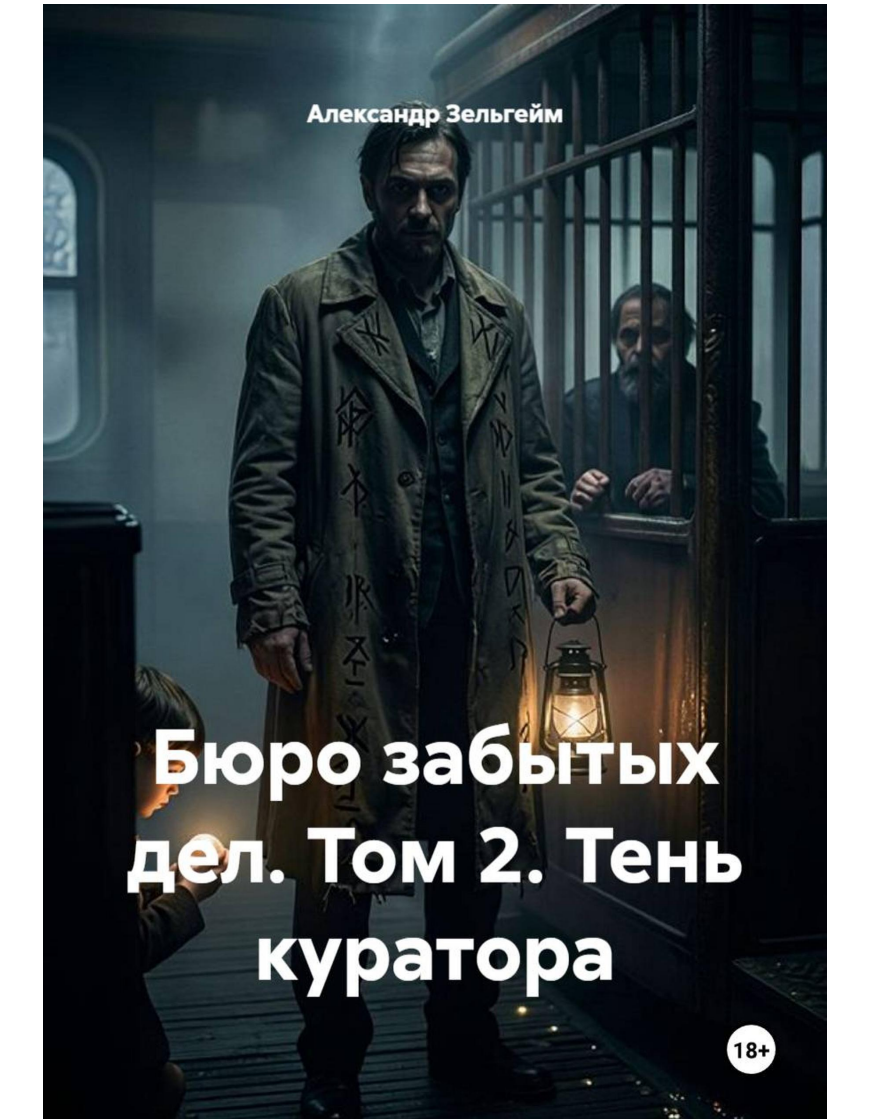

Александр Зельгейм

**Бюро забытых
дел. Том 2. Тень
куратора**

18+

Александр Зельгейм

Бюро забытых дел.

Том 2. Тень куратора

<https://litres.ru/74565433>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первое дело закрыто. Громов за решёткой, мальчик из трамвая проснулся, жемчужина вернулась к хозяину. Но Тихон Неудачников знает: это лишь начало. Тот, кто стоял за всеми, — Куратор — остался в тени. И он уже сделал первый ход.

В Петербурге начинают пропадать маги, владеющие чистой магией. Их находят мёртвыми с выжженными символами на груди. Эти символы Тихон узнаёт — они из дневника его отца. Расследование выводит его на тайный архив ордена, к людям, которые знали его семью, и к правде, которая переворачивает всё: Куратор — его дядя. Пётр Громов. Брат отца. Убийца.

Тихону предстоит спуститься в подземелья Палаты, собрать четыре кристалла, найти ключ к системе и столкнуться с тем, кого нельзя убить. Только отключить. На время. Потому что тень не исчезает, когда ты зажигаешь свет. Она становится длиннее.

Второй том цикла «Бюро забытых дел». Городское фэнтези-нуар с бюрократической сатирой, живой магией и героем,

который побеждает не силой, а умом, блефом и знанием параграфов.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Зельгейм

Бюро забытых дел.

Том 2. Тень куратора

Глава

Часть первая. Тени прошлого

ПРОЛОГ КО ВТОРОЙ КНИГЕ

Три дела позади. Громов за решёткой, Бородин подписал отказ, Сметанина сидит в камере с выключенной магией. Реактор «Обнуление» уничтожен. Дети из трамвая спасены. Жемчужина вернулась к хозяину.

Но Тихон знает: это лишь вершина айсберга. Тот, кто стоял за ними, — Куратор — остался в тени. И он уже сделал первый ход. Он оставил знак на набережной. Он ждёт. Он хочет, чтобы Тихон пришёл. Сам. Один. Без свидетелей. Без полиции. Без Алисы.

А потом начинают пропадать маги. Не простые, не те, кто колдует для бытовухи, не уличные шарлатаны с лицензией третьей категории, а те, кто владел «чистой» магией — древней, неочищенной, той, что текла по жилам ещё

до труб. Их находят мёртвыми, с выжженными символами на груди. И эти символы Тихон узнаёт. Они из дневника его отца. Они — из прошлого, которое он пытался забыть. Из прошлого, которое теперь настигает его.

Это второе большое дело Тихона. Дело о тенях прошлого. Дело о крови. Дело о том, кем он был и кем должен стать.

ГЛАВА 1

Дождь над городом

Петербург встретил январь так, как умел только он — бесконечным, липким дождём, который проникал под воротники, затекал в сапоги и казался не водой, а слезами самого города. Небо было цвета старого свинца, тучи висели так низко, что шпиль Петропавловки, казалось, протыкал их, как игла, и от этого город становился похож на раненого зверя, которыйлизывает раны в ожидании чего-то худшего. Январь в Петербурге — это не зима. Это продолжение осени. Только холоднее. Только темнее. Только безнадёжнее.

Тихон стоял у окна своей каморки в Бюро, глядя на улицу, где фонари уже зажглись в четыре часа дня, и их жёлтый свет расплывался в мокром воздухе, как акварель по влажной бумаге. Он держал в руках кружку с остывшим чаем — она уже стала частью его ритуала, как старый плащ с дырой на локте или привычка икать в самый неподходящий

момент. На подоконнике, рядом с засохшим фикусом, который он забывал поливать уже третий месяц, стоял радиоприёмник. В нём жила Алиса, когда уставала лежать у него на шее.

За окном дождь барабанил по жестяным карнизам с монотонной настойчивостью, и этот звук смешивался с далёким грохотом трамваев, скрипом тормозов и редкими гудками машин, которые пробирались сквозь серую пелену. В воздухе пахло мокрым асфальтом, рекой и чем-то сладковато-горьким — дымом от отсыревших труб, который поднимался вверх, смешиваясь с туманом. Где-то на соседнем этаже кто-то уронил что-то тяжёлое, и звук отдался эхом в пустом коридоре Бюро. Тихон вздрогнул. Он не любил резкие звуки. Особенно теперь. Особенно после всего, что случилось.

Он сделал глоток остывшего чая и поморщился. Он уже не помнил, когда заваривал его — час назад или три. Время в Бюро текло странно: оно то сжималось, как пружина, когда он работал над делом, то растягивалось, как резина, когда он просто сидел и смотрел в окно. Сегодня был второй вариант. Сегодня он просто сидел и смотрел. И думал. О Сметаниной. О реакции. О детях. О Кураторе. О том, что он — хранитель. О том, что Алиса — не просто артефакт. О том, что мир оказался сложнее, чем он думал. И о том, что где-то в этом мире есть человек — или не человек — который хочет его смерти.

— Знаешь, — сказала Алиса из динамика радиоприёмника, и её голос прозвучал с лёгким шипением, как будто она говорила через помехи, — если бы я была писателем, я бы начала эту историю именно так: «Был серый январский день, когда всё пошло к чёрту». Но я не писатель, я просто кулон с сарказмом. Хотя ты, как всегда, стоишь и смотришь в окно, как будто ждёшь вдохновения. Или того, что тебе принесут свежий кофе. Спойлер: не принесут.

— Я жду, когда дождь кончится, — ответил Тихон, не оборачиваясь. — Но он никогда не кончается.

— Потому что ты в Петербурге, гений. Тут дождь — это национальная идея. Как колбаса, икота и очереди в поликлинике. Кстати, твой магический счётчик снова показывает 0.8. У тебя в кабинете опять какая-то утечка. Или это твоя икота так сильно расходует эфир? Я начинаю подозревать, что твоя магическая аритмия — это не проклятие, а просто реакция на климат. Ты икаешь от сырости, а не от магии.

Тихон взглянул на счётчик — старый, ржавый, с треснувшим стеклом, который стоял на столе рядом с кружкой. Стрелка действительно дрожала где-то между 0.7 и 0.8. Он стукнул по нему пальцем — стрелка дёрнулась и застыла на 0.4.

— Так лучше, — сказал он. — Надо будет вызвать магистральщиков. Опять трубы текут.

— Или это ты опять забыл выключить магическую лампочку, — заметила Алиса. — Ты знаешь, я начинаю думать,

что твоя рассеянность — это тоже форма магии. Ты настолько не хочешь замечать реальность, что она начинает подстраиваться под тебя.

Тихон усмехнулся, но усмешка вышла грустной. Он поставил кружку на стол и провёл рукой по волосам, которые уже начали седеть на висках — видимо, от постоянного напряжения и недосыпа. Ему было сорок два, но в последнее время он чувствовал себя на все шестьдесят. Особенно после дела Сметаниной. Особенно после того, как узнал, что его отец был хранителем, а дядя — Куратором. Особенно после того, как понял, что он — не просто следователь. Он — часть чего-то большего. Часть системы. Часть ордена. Часть прошлого, которое он пытался забыть.

— Алиса, — сказал он, и его голос прозвучал тише, чем он ожидал. — Я чувствую, что что-то начинается. Что-то большее, чем просто дела. В воздухе есть привкус магии. Старой, настоящей, той, что текла по жилам ещё до труб. Я не чувствовал её много лет. Это как запах сирени в декабре — невозможно, но он есть.

Он замолчал, пытаясь подобрать слова. Как объяснить то, что нельзя увидеть, но можно почувствовать? Как описать дрожь в эфире, которую улавливаешь не ушами, а кожей? Как рассказать о предчувствии, которое грызёт изнутри, как крыса?

— Это как когда ты стоишь на перроне, — сказал он наконец, — и чувствуешь, что поезд уже близко, хотя его ещё

не видно. Земля дрожит под ногами. Воздух гудит. И ты знаешь: сейчас что-то будет. Что-то большое. Что-то, к чему ты не готов.

— Может, это у тебя просто насморк, — отрезала Алиса, но в её голосе не было настоящей насмешки. — Или твоя икота наконец переросла в аллергию на реальность. Я серьёзно, Тихон. Ты становишься параноиком. Это ведь три дела подряд — Громов, Бородин, Сметанина. Ты устал, и тебе кажется, что за каждым углом притаился всемирный заговор.

— Значит, я прав, — ответил он. — Потому что за каждым углом притаился всемирный заговор. Именно так я и живу последние десять лет.

Он повернулся к окну. Где-то вдалеке, за мокрыми крышами, сверкнула молния — необычно яркая, почти белая, и тут же погасла, оставив после себя странный гул, похожий на далёкий взрыв. Тихон нахмурился. Он знал этот звук. Так звучит магия, когда её выпускают на волю. Так звучит чистая магия — неочищенная, не прошедшая через трубы и счётчики. Так звучит то, что он чувствовал все эти дни. То, что он боялся. То, что он ждал.

Он уже собирался что-то сказать, когда телефон — настоящий, чёрный, дисковый, с потрескавшейся трубкой — издал пронзительный треск. От неожиданности Тихон вздрогнул и задел кружку. Остатки чая расплескались по столу, заливая бумаги, которые он так и не убрал со времён дела Сметаниной.

— Чёрт, — выругался он, хватая трубку. — Бюро забытых дел. Слушаю.

На том конце раздался голос участкового Никитина — молодого парня с красным носом и вечно намокшей фуражкой, который уже дважды помогал Тихону по делам. Но сегодня его голос был другим — быстрым, сбивчивым, как будто он бежал. Как будто он боялся. Как будто он видел что-то, что не давало ему покоя.

— Тихон Тимофеевич! — выпалил он. — У нас труп на Васильевском! Маг, высшая категория. Лицензия, всё по правилам. На груди — странный символ, выжженный. Я таких не видел. Выжжен прямо на коже, аккуратно, как будто... как будто кто-то специально это сделал.

— Адрес, — коротко сказал Тихон, уже накидывая плащ.

— Седьмая линия, дом 14, квартира 6. Второй этаж. Я жду вас у подъезда.

Тихон положил трубку и взглянул на радиоприёмник. В динамике слабо мигала лампочка — Алиса уже проснулась и ждала.

— Видишь? — сказал он. — Я же говорил. Начинается.

— Ты всегда говоришь, — ответила Алиса. — Но иногда ты бываешь прав. Надевай меня, поехали. Только возьми зонт, а то ты опять простудишься и будешь икать всю дорогу. И проверь, выключил ли ты магическую лампочку — твой счётчик всё ещё показывает 0.4.

Тихон щёлкнул выключателем — лампочка погасла, и

стрелка упала до 0.1. Он облегчённо вздохнул, сунул кулон во внутренний карман плаща, поближе к сердцу, и вышел из кабинета.

Дверь за ним закрылась с тихим скрипом — как всегда, нехотя. В коридоре было темно и пусто. Только где-то на первом этаже гудела старая магическая проводка, которая не менялась со времён основания Бюро. Тихон спустился по лестнице, ощущая, как каждый шаг отдаётся эхом в пустом здании. Охранник — старик по фамилии Кузьмин, который работал здесь ещё при предыдущем начальнике, — спал на своём посту, уронив голову на стол. Рядом с ним стояла кружка с недопитым чаем и лежала газета «Магический вестник» с заголовком: «Счётчики нового образца: кому выгодно?»

Тихон не стал его будить. Он вышел на улицу, и дождь тотчас же ударил ему в лицо — холодный, колкий, как иглы. Он поднял воротник, раскрыл старый зонт, который уже давно просил замены, но так и не дождался, и зашагал в сторону Васильевского острова.

Дорога заняла двадцать минут. Трамвай, на котором он ехал, был почти пуст — только двое студентов в форме магической академии спали в углу, да старушка с авоськой смотрела в окно. За окнами проплывал город: мокрые фасады, вывески магических лавок, очереди у пунктов оплаты эфира. На одной из стен Тихон заметил свежую рекламу: «Магический инфобизнес — стань магом за 3 дня! Зарабо-

тай на эфире!» Он поморщился. Система гнила снаружи и изнутри, и это было видно даже в трамвае.

Когда он вышел на нужной остановке, Никитин уже ждал его у подъезда — молодой, взволнованный, с фуражкой, которая отсырела настолько, что казалась приклеенной к голове.

— Тихон Тимофеевич, — сказал он, понизив голос. — Там наверху... Я такого никогда не видел. Маг, высшая категория. Николай Алексеевич Рощин. Жил один, ни с кем не ссорился. Соседка зашла сегодня утром — он у неё котёнка брал — и нашла его мёртвым. Сидит в кресле, руки сложены, будто спит. Но на груди...

Никитин замолчал и сглотнул.

— Что на груди? — спросил Тихон.

— Выжжен символ. Перекрещённые ключи, перечёркнутые линией. Я таких не видел ни в одном учебнике.

Тихон почувствовал, как Алиса вибрирует на его шее — она тоже это почувствовала. Что-то старое, тёмное, опасное.

— Идём, — сказал он. — Показывай.

Они поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж. Дверь в квартиру была приоткрыта, и из-за неё тянуло запахом старой бумаги, пыли и чуть уловимым ароматом магии — той самой, чистой, неочищенной, которую Тихон не чувствовал уже много лет. Он шагнул внутрь и остановился.

Квартира была заставлена стеллажами с книгами. На стенах висели старые карты Петербурга и гравюры с изображениями магических символов. На столе лежала раскрытая тетрадь, исписанная аккуратным почерком, и рядом — очки в тонкой оправе. В воздухе висела тишина, густая, как мёд, и только где-то в глубине квартиры капала вода из крана — монотонно, как метроном.

Тело сидело в кресле у окна. Мужчина лет семидесяти, с седыми волосами и спокойным лицом — таким спокойным, что казалось, он просто уснул. Но на его обнажённой груди был выжжён символ: перекрёщённые ключи, перечёркнутые прямой линией. Кожа вокруг символа была обуглена, но не кровоточила — магия выжгла её мгновенно, не оставив ни капли крови.

— Это знак ордена «Чистой магии», — прошептала Алиса из кулона. — Перечёркнутый. Значит, его казнили.

— Но орден не казнит своих, — сказал Тихон, присаживаясь рядом с телом.

— Орден не казнит, — ответила Алиса. — А вот тот, кто пришёл на смену ордену, — казнит. Это почерк Куратора. Я помню его. Он всегда оставлял этот знак — для тех, кто знал, что он значит.

Тихон заметил, что пальцы убитого сжаты в кулак. Он аккуратно разжал их — и в ладони покойного блеснула старая монета. Дореволюционная, с двуглавым орлом, потёртая, но всё ещё узнаваемая.

— Это не просто монета, — сказала Алиса. — Это знак хранителя архива. Он хотел, чтобы тот, кто найдёт его, понял: он не простой маг. Он знал что-то важное.

Тихон поднял голову и впервые заметил фотографию на каминной полке — в серебряной рамке, немного запylённую. На ней был тот же мужчина, но моложе, и рядом с ним стоял мальчик лет десяти. Тихон приблизился и узнал лицо ребёнка. Это был он сам. Сомнений не было — тот же разрез глаз, та же привычка прикусывать губу, те же вихры на голове.

— Это мой отец, — прошептал он, чувствуя, как холодок пробегает по спине и сжимает горло. — Он был другом этого человека. Николая Алексеевича Рощина. Они стояли рядом, как братья. Я помню его — он дарил мне пряники на Новый год.

Он снял фотографию с полки и перевернул. На обороте была надпись: «Тимофей и Николай. 1985 год. Навсегда».

— Навсегда, — повторил Тихон. — А теперь Николай мёртв, а мой отец умер тридцать лет назад. И кто-то, кто знал их обоих, начал охоту.

— Алиса, — сказал он, — я думаю, это только начало.

— Я знаю, — ответила она. — И я боюсь, что ты прав.

Тихон спрятал фотографию во внутренний карман, рядом с кулоном. Он чувствовал, как Алиса пульсирует у него на груди — тепло, живое, настоящее. Он больше не был один. Но он также знал: то, что начинается, будет тяжё-

лее всего, что он пережил раньше.

Он вышел из квартиры и спустился по лестнице. На улице дождь усилился, и капли барабанили по его зонту с такой силой, что казалось — небо решило обрушиться на город. Он посмотрел на тёмное небо, на мокрые улицы, на редких прохожих, которые спешили укрыться от непогоды. И он понял: это только начало.

Охота началась. И он был в списке.

ГЛАВА 2

Первая жертва

Тихон не ушёл сразу. Он стоял в квартире Рощина и смотрел. Просто смотрел. На книги. На карты. На тетрадь. На очки в тонкой оправе. На кресло, в котором сидел мёртвый человек. Он знал, что должен уйти. Он знал, что здесь больше нечего делать. Но что-то держало его. Что-то, что было сильнее долга. Что-то, что было сильнее страха. Что-то, что было сильнее всего, что он чувствовал раньше. Он не знал, что это. Может, память. Может, вина. Может, предчувствие. Может, что-то ещё. Что-то, что он не мог назвать. Что-то, что ждало его. Что-то, что он должен был найти.

— Ты думаешь о нём, — сказала Алиса. Это был не вопрос. Она знала. Она всегда знала. Она чувствовала его. Как чувствовала всё. Как чувствовала магию. Как чувствовала смерть. Как чувствовала правду.

— Да, — ответил Тихон. — Я думаю о нём. О Рощине.

О том, что он знал. О том, что он хотел мне сказать. О том, что он не успел. О том, что его убили. Как Векшина. Как Стеклова. Как всех, кто знал правду. Как всех, кто пытался её рассказать. Как всех, кто пытался её сохранить.

— Ты не можешь спасти всех.

— Знаю. Но я могу найти того, кто их убивает. И остановить его. Пока он не добрался до остальных.

Он подошёл к столу. Тетрадь лежала раскрытой. Почерк был аккуратным, ровным, как у человека, который привык писать много и часто. Тихон перелистнул страницу. Потом ещё одну. Потом ещё. Он читал. Медленно. Вдумчиво. Он искал. Он искал то, что Роцин хотел ему сказать. То, что он не успел сказать. То, что убийца хотел скрыть. Но, возможно, не успел.

«15 января 2027 года. Сегодня я получил письмо. Анонимное. В нём было написано: „Ты следующий. Если хочешь жить — отдай то, что взял из архива“. Я не брал ничего. Но я знаю, о чём речь. О приказе. Он у Векшина. Значит, Векшин уже мёртв. Я должен предупредить остальных. Я должен найти Тихона. Он — сын Тимофея. Он поймёт.»

Тихон замер. Он перечитал последнюю строчку дважды. Потом ещё раз. «Он — сын Тимофея. Он поймёт». Роцин знал его отца. Роцин знал его. Роцин хотел его найти. И его убили. До того, как он успел. До того, как он рассказал. До того, как он передал ему то, что знал. То, что хранил. То, что было важнее его жизни.

— Он хотел меня найти, — сказал Тихон. — Он знал, что его убьют. И он хотел меня предупредить.

— Он хотел передать тебе то, что знал, — сказала Алиса. — То, что он хранил. То, что убийца искал. То, что он не нашёл.

— Что это?

— Не знаю. Но это связано с приказом. С орденом. С твоим отцом. И с Куратором.

Тихон закрыл тетрадь. Он осмотрел квартиру ещё раз. Он искал что-то, что могло бы дать зацепку. Что-то, что убийца пропустил. Что-то, что Роцин спрятал. Что-то, что он хотел сохранить. Он открыл ящики стола. Он проверил полки. Он заглянул под кровать. Он даже постучал по стенам — нет ли тайника. И у дальней стены, за стеллажом, он заметил маленькую дверцу. Она была замаскирована — прикрыта книгами, запылена, почти невидима. Но Тихон её увидел. Он отодвинул книги. Он открыл дверцу. За ней был тайник. Маленький. Тёмный. В нём лежала папка — тонкая, с пожелтевшими страницами. И ещё одна монета. И ещё одна фотография. На этот раз — не отца. На этот раз — молодой Сметаниной. И ещё кого-то. Мужчины. Высокого. Седого. С холодными глазами. Тихон узнал его. Это был Куратор. Пётр Громов. Его дядя.

— Он знал, — сказал Тихон. — Роцин знал, кто такой Куратор. И он хранил его фотографию. Как доказательство. Как улику. Как напоминание.

— Он готовился, — сказала Алиса. — Он знал, что его убьют. И он готовился. Он собирал доказательства. Он собирал правду. Он хотел передать её тебе.

Тихон взял папку. Он открыл её. Внутри были документы — старые, пожелтевшие, с печатями и подписями. Он читал. Медленно. Вдумчиво. Он читал о приказе 1917 года. О создании ордена. О разделении. О предательстве. О том, как Пётр Громов — его дядя — переписал устав. Как он создал систему. Как он убил брата. Как он убил всех, кто пытался его остановить. Как он создал Куратора. Как он стал им.

— Это не просто доказательства, — сказал Тихон. — Это история. История моего отца. История моей семьи. История предательства.

— История Куратора, — сказала Алиса. — История твоего дяди. История человека, который хотел порядка. И получил хаос.

Тихон закрыл папку. Он спрятал её во внутренний карман — рядом с фотографией и кулоном. Он чувствовал, как тяжесть — не только бумаги, но и правды — давит на него. Но он также чувствовал, что теперь у него есть цель. Он знал, что делать. Он знал, куда идти. Он знал, кого искать.

Он вышел из квартиры. На лестнице он столкнулся с соседкой — пожилой женщиной с добрыми глазами и встревоженным лицом. Она держала в руках кошку и смотрела на него с надеждой.

— Вы нашли его? — спросила она. — Того, кто это сде-

лал?

— Пока нет, — ответил Тихон. — Но я найду.

— Он был хорошим человеком, — сказала она. — Николай Алексеевич. Он всегда помогал. Он всегда улыбался. Он никогда не жаловался. Даже когда болел. Даже когда ему было плохо. Он говорил: «Вера, не волнуйтесь. Всё будет хорошо. Главное — не терять надежду».

Тихон кивнул. Он не знал, что сказать. Он просто стоял. Женщина вздохнула и ушла. Он остался один. Он смотрел на дверь. На номер квартиры. На табличку с именем. «Рощин Н.А.» Он думал о том, что этот человек — этот добрый, тихий, старый человек — знал правду. И умер за неё. Как отец. Как Векишин. Как Стеклов. Как все они. Как все, кто пытался остановить систему. Как все, кто пытался вернуть свободу. Как все, кто пытался жить.

Он вышел на улицу. Дождь стих. Небо было серым, но где-то вдалеке, за тучами, угадывалось солнце. Тихон раскрыл зонт — тот самый, со сломанной спицей, — и зашагал в сторону Бюро. В его кармане лежала папка. В его груди пульсировала Алиса. В его голове звучал голос отца: «В тишине — правда».

Он шёл вперёд. К следующему шагу. К следующей загадке. К следующей жертве.

ГЛАВА 3

Символ на груди

Тихон вернулся в Бюро уже к вечеру. Дорога от Васи-

льевского острова заняла больше времени, чем обычно — трамвай застрял на переезде, и он простоял в вагоне двадцать минут, глядя, как дождь стекает по стеклу, оставляя длинные, извилистые следы. Он думал. О Рощине. О папке. О фотографии. О Кураторе. О том, что он теперь знал. И о том, что ещё предстояло узнать. Он чувствовал, как папка давит на грудь — не тяжестью, а содержанием. Она была тонкой, но в ней было больше правды, чем во всех делах, которые он вёл за последние десять лет. Он знал, что должен изучить её. Он знал, что должен понять. Он знал, что должен найти того, кто убивает хранителей. Пока не стало поздно. Пока не убили всех. Пока не убили его.

Он поднялся по скрипучей лестнице на последний этаж и открыл дверь своей каморки. Внутри было темно и тихо. Только счётчик мерцал в углу — зелёным, спокойным светом. Показывал 0.2. Нормально. Тихон снял мокрый плащ, повесил его на крючок у двери и прошёл к столу. Он сел, зажжёг лампу — старую, с пожелтевшим абажуром, которая помнила ещё предыдущего начальника Бюро, — и положил перед собой папку. Она была тонкой, с пожелтевшими страницами, с обтрёпанными краями. Она выглядела старой. Очень старой. Как будто её хранили десятилетиями. Как будто её прятали. Как будто её боялись.

Он открыл её. На первой странице был символ. Тот самый. Перекрёщённые ключи, перечёркнутые линией. Он смотрел на него долго. Он уже видел его раньше. На груди Ро-

щина. На груди Векишина. На стене в архиве. В камере Стеклова. Всюду, где была смерть. Всюду, где была тайна. Всюду, где был Куратор.

Он перелистнул страницу. Там был текст. Почерк был старым, выцветшим, но разборчивым. Он читал.

«Символ казни. Используется только в одном случае: когда хранитель предаёт орден. Перекрёщённые ключи — знак хранителя. Перечёркнутая линия — знак предательства. Тот, кто носит этот символ на груди, — предатель. Тот, кто выжигает этот символ, — судья. Судья ордена. Тот, кто вершит правосудие. Тот, кто казнит.»

Тихон отложил папку. Он смотрел на символ. Он думал. О Рощине. О Векишине. О Стеклове. Все они были хранителями. Все они были убиты. Все они носили этот символ. Но они не были предателями. Они были хранителями. Они хранили правду. Они пытались её защитить. Они пытались её передать. И их убили. За это. За правду. За то, что они знали. За то, что они не отдали. За то, что они не сдались.

— Значит, это не казнь, — сказал он. — Это убийство. Кто-то использует символ казни, чтобы скрыть обычное убийство. Кто-то хочет, чтобы мы думали, что это орден. Что это правосудие. Что это заслуженно. Но это не так. Это ложь. Это маскировка. Это игра.

— Кто-то играет с нами, — сказала Алиса. — Кто-то хочет, чтобы мы пошли по ложному следу. Чтобы мы искали судью ордена. Чтобы мы искали того, кто вершит правосу-

дие. А настоящий убийца — кто-то другой. Кто-то, кто просто хочет смерти хранителей. Кто-то, кто хочет их устранить. Кто-то, кто хочет, чтобы правда умерла вместе с ними.

— Куратор, — сказал Тихон. — Это он. Он убивает хранителей. Он хочет, чтобы они замолчали. Он хочет, чтобы приказ 1917 года исчез. Он хочет, чтобы никто не узнал правду. Он хочет, чтобы система осталась. Он хочет, чтобы всё было так, как он задумал. Он хочет порядка. Его порядка. Его системы. Его власти.

Он закрыл папку. Он спрятал её в сейф — тот самый, который достался ему от отца. Рядом с дневником. Рядом с монетами. Рядом с приказом. Рядом со всем, что он собирал. Рядом со всем, что он защищал. Рядом со всем, за что он боролся. Он закрыл сейф. Он повернул ключ. Он спрятал ключ в карман. Он встал. Он подошёл к окну. На улице снова начался дождь. Он стучал по стеклу — монотонно, как метроном. Как сердце. Как время. Как жизнь. Он смотрел на город. На огни. На людей. На всё, что он любил. На всё, что он защищал. На всё, что он боялся потерять.

В дверь постучали. Тихон вздрогнул. Он не ждал гостей. Он подошёл к двери и открыл. На пороге стоял Никитин. Он был бледным. Он был мокрым. Он был испуганным. Он смотрел на Тихона с ужасом. Как будто видел что-то, что не давало ему покоя. Как будто знал что-то, что не мог сказать. Как будто боялся чего-то, что было сильнее его.

— Тихон Тимофеевич, — сказал он, и его голос дрожал.

— Там... там ещё один. На Невском. Маг. Высшая категория. Тот же символ. Те же вырванные глаза. Я... я не знаю, что делать. Я не знаю, кому сказать. Я не знаю, кому верить. Я пришёл к вам. Вы единственный, кто может помочь. Вы единственный, кто не боится. Вы единственный, кто ищет правду.

Тихон смотрел на него. Он видел страх в его глазах. Он видел отчаяние. Он видел надежду. Он знал, что должен идти. Он знал, что должен увидеть. Он знал, что должен найти. Он схватил плащ. Он сунул ноги в ботинки. Он взял зонт. Он вышел в ночь.

— Веди, — сказал он. — И рассказывай по дороге.

Они шли по мокрым улицам. Никитин говорил быстро, сбивчиво, как будто боялся, что не успеет. Он рассказал, что нашёл тело. Он рассказал, что вызвал полицию. Он рассказал, что те приехали и уехали. Он рассказал, что они сказали: «Это орден. Это не наше дело. Это магия. Это не наша юрисдикция». Он рассказал, что они ушли. Он рассказал, что он остался. Он рассказал, что он боялся. Он рассказал, что он не знал, что делать. Он рассказал, что он вспомнил о Тихоне. Он рассказал, что он пришёл. Он рассказал, что он просит помощи.

Тихон слушал. Он не перебивал. Он просто шёл. Он думал. О втором убийстве. О втором хранителе. О втором символе. О втором вырванном глазе. О втором трупе. О второй жертве. О второй тайне. О втором шаге. О втором шаге к

правде. О втором шаге к свободе. О втором шаге к смерти. К его смерти. К смерти всех, кто знал. К смерти всех, кто пытался остановить систему. К смерти всех, кто пытался вернуть свободу. К смерти всех, кто пытался жить.

Они дошли до Невского проспекта. Дом был старым, с облупившимся фасадом, с лепниной, которая когда-то была красивой, а теперь напоминала кружево, изъеденное молью. Они поднялись на четвёртый этаж. Дверь была открыта. Внутри пахло смертью. Тихон вошёл. Он увидел тело. Женщина. Лет шестидесяти. Седые волосы. Спокойное лицо. Вырванные глаза. Символ на груди. Перекрёщённые ключи, перечёркнутые линией. Он подошёл ближе. Он увидел удостоверение на столе. «Мария Ивановна Строева. Хранитель ордена „Чистой магии“. Лицензия высшей категории». Он увидел тетрадь. Открытую. На последней странице. Почерк был дрожащим. Торопливым. Как будто она писала в спешке. Как будто она знала, что её убьют. Как будто она хотела оставить послание. Как будто она хотела предупредить. Как будто она хотела помочь.

«Сегодня я получила письмо. Анонимное. В нём было написано: „Ты следующая. Если хочешь жить — отдай то, что взяла из архива“. Я не брала ничего. Но я знаю, о чём речь. О приказе. Он у Рощина. Значит, Рощин уже мёртв. Я должна предупредить остальных. Я должна найти Тихона. Он — сын Тимофея. Он поймёт.»

Тихон закрыл тетрадь. Он сжал её в руке. Он чувство-

вал, как Алиса пульсирует у него на груди — сильнее, чем раньше. Она тоже чувствовала. Она тоже знала. Она тоже хотела справедливости. Она тоже хотела правды. Она тоже хотела свободы. Она тоже хотела жизни.

— Она знала, — сказал Тихон. — Она знала, что её убьют. И она хотела меня найти. Как Рощин. Как все они. Они хотели меня найти. Они хотели мне рассказать. Они хотели мне передать. Они хотели, чтобы я остановил это. Они хотели, чтобы я закончил то, что они начали. Они хотели, чтобы я победил. Они хотели, чтобы я выжил. Они хотели, чтобы я жил.

— Ты должен, — сказала Алиса. — Ты должен жить. Ты должен бороться. Ты должен победить. Ты должен остановить его. Ты должен вернуть свободу. Ты должен закончить это. Ради них. Ради всех. Ради себя. Ради меня. Ради правды. Ради жизни.

Тихон кивнул. Он спрятал тетрадь во внутренний карман. Он вышел из квартиры. Он спустился по лестнице. Он вышел на улицу. Дождь стих. Небо было тёмным, но где-то вдалеке, за тучами, угадывалась луна. Он посмотрел на город. На огни. На людей. На всё, что он любил. На всё, что он защищал. На всё, что он боялся потерять. И он понял. Он понял, что должен сделать. Он понял, куда идти. Он понял, кого искать. Он понял, что делать.

— Алиса, — сказал он. — Мы идём к Евгении Тарской.

— Ты уверен? — спросила Алиса. — Она не любит чужа-

ков. Она не доверяет никому. Она может отказаться.

— Я знаю. Но я должен попробовать. Она знала отца. Она знает хранителей. Она знает Куратора. Она может помочь. Она может рассказать. Она может объяснить. Она может дать мне то, что я ищу. Она может дать мне то, что мне нужно. Она может дать мне правду.

Он зашагал в сторону Мойки. В его кармане лежала тетрадь. В его груди пульсировала Алиса. В его голове звучал голос отца: «В тишине — правда».

Он шёл вперёд. К следующему шагу. К следующей загадке. К следующей тайне.

ГЛАВА 4

Хранительница архива

Мойка встретила Тихона тишиной. Здесь не было шума Невского, не было толп туристов и магических лавок с кричащими вывесками. Здесь были старые дома, увитые плющом, тихие дворики и запах мокрого камня, который поднимался от земли после дождя. Тихон шёл по набережной, и его шаги отдавались глухим эхом. Он искал дом номер двенадцать. Он знал его. Он видел его в дневнике отца. Он видел его на старой фотографии. Он видел его в своих снах. Дом был старым, трёхэтажным, с облупившейся лепниной и вывеской «Жилой дом» на фасаде. На втором этаже горел свет. Тихон остановился у арки и посмотрел на окна. Там, за одним из них, когда-то жила его мать. Мария Тимофеевна Неудачникова. Хранительница. Женицина, которую он

почти не помнил. Женищина, которая умерла, когда ему было восемь. Женищина, которая оставила ему дневник. Женищина, которая знала правду. Женищина, которая пыталась его защитить. Женищина, которая любила его.

Он вошёл в арку. Двор был тихим — только старуха с собакой сидела на лавочке, да двое детей играли в мяч у стены. Тихон поднялся по лестнице на второй этаж. Квартира была в конце коридора. Дверь была заперта. Он постучал. Ответа не было. Он постучал снова. Тишина. Он уже собирался уходить, когда дверь открылась. На пороге стояла женищина. Сухая. Седая. В чёрном платье. С пронзительными глазами цвета старого янтаря. На груди — массивная брошь с изображением перекрёщённых ключей. Она смотрела на него долгим, испытующим взглядом. Потом перевела взгляд на кулон, висевший у него на шее, и её губы тронула едва заметная улыбка. Как будто она ждала его. Как будто она знала, что он придёт. Как будто она проверяла. Как будто она решала. Как будто она вспоминала.

— Значит, это правда, — сказала она. — Ты — сын Тимофея.

— А вы? — спросил Тихон.

— Евгения Львовна Тарская, — ответила она. — Хранительница архива ордена «Чистой магии». Я знала твоего отца. Я знала твою мать. И я знаю, кто убивает хранителей. Я пришла, чтобы помочь тебе. Но сначала — можно войти? На улице сыро, а у меня старые кости.

Тихон отступил в сторону. Евгения вошла, огляделась — быстро, цепко, как человек, который привык оценивать обстановку за секунду. Она прошла в кухню, села за стол и положила на него старую кожаную сумку, которая выглядела так, будто пережила не одно поколение. Тихон последовал за ней. Кухня была маленькой, но уютной. На столе лежала вязаная салфетка. На плите стояла турка. В воздухе пахло кофе. Евгения заварила себе турку и, не спрашивая, налила вторую чашку для Тихона. Он не любил кофе. Но он взял. Он не хотел её обижать. Он не хотел терять единственного человека, который мог ему помочь.

— Кофе у тебя есть? — спросила она, хотя уже наливала.
— Чай я не пью. Чай размягчает мозги.

Тихон сделал глоток. Кофе был крепким, горьким, с лёгкой ноткой кардамона. Он согрел его изнутри. Он вернул его к жизни. Он вернул его к реальности. Он вернул его к правде.

— Хорошо, — сказала Евгения. — Теперь слушай. У нас мало времени, и я скажу всё сразу. Твой отец был одним из основателей ордена «Чистой магии». Это мы создали систему, которая позже стала Контрольной палатой. Мы хотели, чтобы магия была доступна всем — но не как товар, а как дар. Как воздух, как свет, как вода в реке.

— Что пошло не так? — спросил Тихон, садясь напротив.

— Всё пошло не так, когда появился человек, который назвал себя Куратором, — сказала Евгения, и её глаза сузились. — Он был одним из нас. Он был другом твоего отца.

И он был его братом.

Тихон почувствовал, как холодок пробегает по спине. Он знал. Он уже знал. Но слышать это от неё было тяжелее. Она знала отца. Она знала мать. Она знала Куратора. Она знала всё. Она была частью этого. Она была свидетельницей. Она была хранительницей. Она была правдой.

— Петром, — сказал он. — Я знаю. Он — мой дядя.

Евгения посмотрела на него с удивлением, потом кивнула. Она не стала спрашивать, откуда он знает. Она просто приняла это. Как принимают факт. Как принимают реальность. Как принимают правду.

— Значит, ты уже знаешь. Хорошо. Это сэкономит нам время. Да, Пётр Громов. Он был одним из нас — до тех пор, пока не решил, что магия должна принадлежать избранным. Он переписал наш устав, подменил приказы, создал систему контроля. А тех, кто пытался его остановить, — уничтожил. Твоего отца — в том числе.

— Почему отец не остановил его раньше?

— Потому что он был его братом, — сказала Евгения, и в её голосе послышалась горечь. — Он верил, что сможет его переубедить. Он был наивным. Как и все мы. Мы думали, что сможем договориться. А он просто убил нас по одному. Как убивает сейчас. Как будет убивать, пока его не остановят.

Она замолчала, сделала ещё глоток кофе. Тихон ждал. Он не торопил её. Он знал, что она скажет всё. Она была из тех, кто говорит медленно, но говорит всё. Она была из

тех, кто не боится правды. Она была из тех, кто не боится смерти. Она была из тех, кто не боится жизни. Она была из тех, кто не боится ничего. Кроме одного. Кроме того, что правда умрёт вместе с ней. Кроме того, что никто не узнает. Кроме того, что никто не остановит. Кроме того, что никто не спасёт. Кроме того, что никто не победит. Кроме того, что никто не выживет.

— Твой отец успел сделать одно, — сказала Евгения. — Он спрятал оригинал приказа 1917 года. Тот самый документ, который даёт законное право на магию всем — не только избранным. Он спрятал его так, чтобы Куратор не смог найти. И он оставил подсказку. Для тебя.

Она открыла сумку, достала пожелтевший конверт и протянула его Тихону. Конверт был лёгким — почти невесомым. Но в его руках он казался тяжелее камня. Он чувствовал его. Он чувствовал его вес. Он чувствовал его правду. Он чувствовал его любовь. Он чувствовал его надежду.

— Это письмо. Он написал его перед смертью. И просил передать тебе, когда придёт время. Время пришло.

Тихон взял конверт. Он посмотрел на него. На знакомый почерк. На своё имя. На всё, что он так долго искал. Он хотел вскрыть его. Он хотел прочитать. Он хотел узнать. Но Евгения остановила его жестом.

— Не сейчас, — сказала она. — Сначала — вот это.

Она достала из сумки второй конверт — тоже пожелтевший, но с другим почерком. Почерк был мелкий, аккурат-

ный, почти каллиграфический. Она протянула его Тихону.

— Это список, — сказала она. — Тех, кто ещё жив. Хранителей, которые скрываются. Тех, кого Куратор ещё не нашёл. Я получила его сегодня утром от одного из них. Он умолял о помощи. Но я не успела. Куратор добрался до него первым. Он добрался до Строевой. Он доберётся до всех. Если мы не остановим его. Если ты не остановишь его.

Тихон открыл конверт. Внутри был список из семи имён. Он пробежал глазами — незнакомые фамилии, незнакомые адреса. Но одно имя он узнал. Оно было в папке Рощина. Шестое. Мария Ивановна Строева. Он видел её сегодня. Он видел её мёртвой. Он видел её вырванные глаза. Он видел её символ. Он видел её тетрадь. Он видел её послание. Он знал, что она мертва. Но теперь он видел её имя. И это делало её смерть реальной. Осязаемой. Неопровержимой.

— Она мертва, — сказал он. — Я видел её сегодня ночью. Она была шестой в списке.

Евгения закрыла глаза. На её лице появилась тень боли. Тень утраты. Тень вины. Как будто она знала её. Как будто она любила её. Как будто она не успела. Как будто она не смогла. Как будто она не спасла.

— Значит, осталось шестеро, — сказала она. — И Куратор не остановится, пока не найдёт всех. Он хочет уничтожить орден полностью. Чтобы никто не смог восстановить старый порядок. Чтобы никто не смог вернуть свободу. Чтобы никто не смог остановить его. Чтобы никто не смог победить его.

Чтобы никто не смог жить.

— Почему он так боится? — спросил Тихон. — Он же создал систему. Он контролирует магию. Что ему могут сделать шесть стариков?

— Они знают, — сказала Евгения. — Они знают, где спрятан приказ. Они знают, как его использовать. И они знают, кто такой Куратор на самом деле. Не просто человек. Он — часть системы. Он сросся с ней. Если приказ будет обнаружен, система рухнет. А вместе с ней — и он.

Тихон откинулся на спинку стула. В его голове всё складывалось — медленно, как пазл, который слишком долго лежал в коробке. Куратор, система, приказ, хранители. И он — в центре всего этого. Он — сын Тимофея. Он — хранитель. Он — ключ. Он — надежда. Он — последний шанс. Он — тот, кто должен остановить это. Он — тот, кто должен победить. Он — тот, кто должен выжить.

— Что я должен делать? — спросил он.

— Ты должен найти остальных, — сказала Евгения. — До того, как их найдёт он. И ты должен найти приказ. Твой отец спрятал его в надёжном месте. Он оставил подсказки. Но их нужно расшифровать.

— Где?

— Я не знаю, — честно ответила Евгения. — Но я знаю, кто знает. Человек по имени Игнат Воронцов. Он был твоим коллегой. Он работал на Куратора. Но он знает больше, чем говорит. Он знает, где искать. Он знает, как найти. Он знает,

что делать. Он знает, кого искать. Он знает всё. Но он боится. Он всегда боялся. Он боится Куратора. Он боится смерти. Он боится жизни. Он боится правды. Он боится свободы. Он боится всего. Но он знает. И он может помочь. Если ты сможешь его убедить. Если ты сможешь его заставить. Если ты сможешь его спасти. Если ты сможешь его простить. Если ты сможешь его понять. Если ты сможешь его принять. Если ты сможешь его убедить, что правда сильнее страха. Что свобода сильнее смерти. Что жизнь сильнее всего.

Тихон нахмурился. Игнат. Он помнил его — тихий, вежливый, всегда в безупречном костюме. Они вместе работали в Палате. Игнат всегда казался ему честным. Но теперь всё менялось. Теперь он знал, что Игнат работал на Куратора. Что он следил за ним. Что он предал его отца. Что он предал всех. Что он предал правду. Что он предал свободу. Что он предал жизнь.

— Он — предатель? — спросил Тихон.

— Он — выживший, — ответила Евгения. — Как и все мы. Он сделал выбор, чтобы сохранить жизнь. Но он знает, где искать. И он может помочь. Если ты сможешь его убедить. Если ты сможешь его простить. Если ты сможешь его понять. Если ты сможешь его спасти. Если ты сможешь его принять. Если ты сможешь его убедить, что правда сильнее страха.

Она поднялась, поправила платье и взяла сумку. Она посмотрела на Тихона долгим, прощальным взглядом. Как буд-

то знала, что они больше не увидятся. Как будто знала, что она не переживёт эту ночь. Как будто знала, что её время пришло. Как будто знала, что она следующая. Как будто знала, что Куратор уже идёт. Как будто знала, что она не успеет. Как будто знала, что она не спасётся. Как будто знала, что она не выживет. Как будто знала, что она умрёт. Как будто знала, что она умрёт за правду. Как будто знала, что она умрёт за свободу. Как будто знала, что она умрёт за жизнь.

— Я ухожу, — сказала она. — У меня ещё есть дела. Но мы увидимся. И ещё одно.

Она остановилась у двери и обернулась. Она смотрела на него. Она смотрела на него так, как смотрят на сына. Как смотрят на надежду. Как смотрят на спасение. Как смотрят на жизнь. Как смотрят на правду. Как смотрят на свободу. Как смотрят на всё, что она любила. Как смотрят на всё, что она защищала. Как смотрят на всё, что она боялась потерять. Как смотрят на всё, что она теряла.

— Не доверяй никому, Тихон. Даже тем, кто кажется другом. Особенно тем. Куратор умеет играть на доверии. Он использует людей. И он не остановится, пока не получит то, что хочет. Он не остановится, пока не убьёт всех. Он не остановится, пока не убьёт тебя. Он не остановится, пока не убьёт меня. Он не остановится. Никогда.

Она вышла и закрыла за собой дверь. Тихон остался один — с двумя конвертами на столе и с ощущением, что мир

только что перевернулся. Он смотрел на дверь. Он смотрел на конверты. Он смотрел на чашку кофе. Он смотрел на всё, что она оставила. Он смотрел на всё, что она сказала. Он смотрел на всё, что она знала. Он смотрел на всё, что она не сказала. Он смотрел на всё, что она боялась сказать. Он смотрел на всё, что она хотела сказать. Он смотрел на всё, что она не успела сказать. Он смотрел на всё, что она умрёт, не сказав. Он смотрел на всё, что она умрёт, не успев. Он смотрел на всё, что она умрёт, не сделав. Он смотрел на всё, что она умрёт, не победив. Он смотрел на всё, что она умрёт, не выжив.

— Она права, — сказала Алиса. — Куратор — не просто враг. Он — паук. И ты — в его паутине.

— Тогда я её разорву, — сказал Тихон. — И начну с Игната.

Он взял конверт отца, посмотрел на него ещё раз, но не вскрыл. Он положил его во внутренний карман — рядом с кулоном. Потом открыл второй конверт — список. И начал читать. Одно имя привлекло его внимание. Адрес был в Петербурге, недалеко от Мойки. Он запомнил его.

— Алиса, — сказал он. — Мы идём навестить старого друга. Игната Воронцова.

— Ты уверен? — спросила она. — Он может быть опасен.

— Я знаю, — ответил Тихон. — Но я должен рискнуть. Если я не рискну, я никогда не найду приказ. И никогда не остановлю Куратора. И никогда не спасу остальных. И ни-

когда не спасу себя. И никогда не спасу тебя. И никогда не спасу всех. И никогда не спасу правду. И никогда не спасу свободу. И никогда не спасу жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.